

УДК 1(470) (091) «18/19»

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМА

В.В. Буланов

ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

Исследуется сущность затруднений, связанных с осуществлением диалога культур как актуальной проблемы. В данной связи автор характеризует все факторы, влияющие на процесс как диалога субъектов общей культуры, так и диалога субъектов различных культур. При этом автор стремится выявить степень затруднительности ведения межкультурного диалога.

Ключевые слова: *диалог культур, субъект диалога, помеха для диалога, диалогичность, опосредованный диалог.*

Диалог культур чрезвычайно изменчив как по содержанию, так и по составу участников. И его осмысление неизменно актуально, так как сущность проблемы диалога культур состоит в крайней сложности преодоления тех разнообразных и многочисленных затруднений, с которыми сталкиваются его участники.

Современные ученые по-разному понимают оптимальную стратегию её решения. Одни призывают исходить из того, что любым участником межкультурного диалога «инаковость иной культуры должна позитивно восприниматься», так как именно под влиянием результатов её осмысления формулируются ответы на «последние вопросы человеческого бытия» [3, с. 50]. Другие считают, что из-за стремления к сохранению культурами своей идентичности и самодостаточности, они склонны соперничать и конфликтовать друг с другом, и потому между их субъектами конструктивный диалог является невозможным [15, с. 39]. В этой связи представляется компромиссной точка зрения, согласно которой «представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я», и потому крайне желательно получить «коэффициент» затруднительности осуществления диалога культур [5, с. 15–16]. Достижение этой цели могло бы предотвратить многие конфликтные ситуации между субъектами диалога культур и тем самым существенно повысить шансы на его поддержание или возобновление.

При формулировании этого «коэффициента», думается, нужно взять во внимание следующие обстоятельства. Первым и самым важным из них должно быть определение степени затруднительности осуществления диалога между субъектами одной и той же культуры. Ведь, несмотря на точку зрения ряда ученых, согласно которой для носителей одной и той же культуры вести диалог друг с другом несложно [14, с. 50], часто реалии межличностной коммуникации свидетельствуют о наличии серьезных помех для его осуществления. Также следует выявить подоб-

ный «коэффициент» затруднительности, возникающий в ходе межкультурного диалога. Необходимость этого очевидна из того факта, что у каждой культуры есть свои «фундаментальные основы», придающие ей структурное единство и неповторимость, и эти основы имеют ценностный характер. Поэтому диалог, затрагивающий данные основы, вызывает у любого субъекта культуры бессознательное неприятие или, в лучшем случае, стремление интерпретировать слова партнёра по подобному диалогу так, чтобы они не угрожали этим основам [1, с. 58–60].

Начнём с характеристики тех затруднений, с которыми сталкиваются участники диалога, являющиеся субъектами одной и той же культуры. Эти сложности существуют всегда, и по нескольким причинам, которые почему-то исследуют по отдельности друг от друга. Во-первых, ею является отмеченная Ю.М. Лотманом неспособность любого языка, присущего субъектам диалога, как охватить весь мир полностью, так и целостно и неискажённо передавать нужную информацию [9, с. 9, 13]. Вторая из этих причин, если следовать Х.Г. Гадамеру, проявляется во влиянии пред-суждений на сознание каждого из субъектов диалога, приводящем к тому, что восприятие им информации извне незаметно для него самого предопределено соответствующими пред-пониманиями [4, с. 320]. Сумма первой и второй причин, соотношение которых ситуативно, ведет к тому, что каждый из участников диалога подвержен влиянию стереотипов и склонен к формулированию необъективных атрибуций. Стереотипы – это устойчивые и упрощённые представления одного участника диалога о культуре и этносе своего собеседника. Они могут как вести к идеализации, так и вызывать враждебность, страх, презрение. Необъективные атрибуции возникают потому, что каждый участник диалога пытается дать собственные объяснения поведению партнёра, но не всегда обладает полной информацией о действительных причинах этого поведения [13, с. 212–221, 228, 231]. Нужно принять во внимание и склонность отторгать поступающую извне информацию, и выработку в целях защиты от неё некоего антисмыслового «панциря». М. Бубер считает, что чем надёжнее эта защита, тем сложнее участнику диалога всесторонне понять своего партнёра [2, с. 131–132]. Думается, что речь идет о таком человеческом качестве, как консервативность: ведь чем он консервативнее, тем более склонен к отторжению всего нового. Склонность человека к консерватизму кратно увеличивает стереотипность его мышления, в то же время эта склонность никак не связана с формулированием этим человеком негативных атрибуций.

В данной связи сложно не согласиться с мнением С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского, по которому между субъектами диалога неизбежен конфликт интересов. Ведь каждый из них считает осмысление предмета этой коммуникации в достаточной мере значимым для того, чтобы отстаивать свою точку зрения и собственные интересы, интерпретированные в соответствии с нею [7, с. 131]. Чем терпимее данная культура субъектов

диалога к инакомыслию, чем выше в ней ценится умение находить компромисс в ситуации конфликта интересов, тем значительнее склонность этих людей к тому, что Г.С. Померанц удачно назвал «диалогичностью» [11, с. 562]. При этом есть фактор, ослабляющий степень диалогичности, – это дискомфортные эмоции одного из партнёров по диалогу, которые провоцируют рост его отчуждённости по отношению к другому партнёру по диалогу. Наиболее интенсивными подобные эмоции являются в случае опосредованного межкультурного диалога – диалога читателя с автором через посредство созданного им произведения – если читатель принадлежит к культуре, имеющей противоположное отношение к ценности, связанной с проблематикой данного диалога, чем автор. Ведь сами ценности, как отмечает Б.Л. Губман, получают свою общезначимость именно в ходе диалога [6, с. 228], но диалога, осуществляемого непосредственно. И с непосредственным партнёром по диалогу невозможно полемизировать о ценностях, а с автором как опосредованным партнёром по диалогу даже нельзя прийти к компромиссу, что в подобном случае и для участников обычного диалога является крайне сложным [8, с. 90]. Неудача этой попытки, по наблюдению А. Лэнгле, с большой степенью вероятности может привести к отказу от продолжения диалога, к предпочтению закрытости для коммуникации, к выбору защитной стратегии взаимодействия с другими субъектами культуры [10, с. 42, 44]. Причём, как отмечает Ф. Бродель, несовместимость ценностей может препятствовать межкультурному диалогу не только отдельных людей, но и целых обществ, даже когда их убеждают в благотворности такой рецепции [1, с. 58–59]. Например, нереален диалог между сторонниками противоположных мировоззрений, в частности диалог воинствующего атеиста и глубоко верующего человека, правозащитника с террористом, ученого с колдуном: он не снимает взаимную непримиримость присущих им мировоззрений и поэтому не может привести к совместному достижению истины [14, с. 52].

При этом мера диалогичности обратно пропорциональна всему, что препятствует диалогу, т. е. склонности к стереотипам, необъективным атрибуциям и консерватизму. А мера ценности диалога, по наблюдению Ю.М. Лотмана, для его участников прямо пропорциональна степени сложности восприятия информации, транслируемой в процессе его осуществления. Диалог невозможен, когда его потенциальные субъекты обладают одинаковой информацией и способны её без помех транслировать друг другу [9, с. 14–15], и соответственно в обратных случаях – когда эта информация несоизмерима или когда при её трансляции возникают непреодолимые и принципиальные препятствия. Поэтому диалог может состояться, если различие информаций, допустимое для ведения диалога, больше нуля (два сообщения «красивый цветок»), но меньше максимального значения, при котором эти две информации невозможно обсуждать одновременно (сообщения «красивый цветок» и «железный стул»).

Существуют и помехи, оказывающие негативное влияние лишь на диалог субъектов разных культур, иными словами, только на межкультурную коммуникацию в диалогическом дискурсе. Они, по наблюдению Г.Д. Гачева, приводят к тому, что носитель каждого языка имеет присущее только данным носителям «отношение ума к миру», и поэтому диалог между субъектами разных культур похож на общение двух космосов [5, с. 187]. К таким помехам можно отнести диалогическую несовместимость логик, присущих культурам субъектов диалога. Если следовать точке зрения Г.С. Померанца, несовместимы логики, присущие субъектам культур средиземноморского и индийско-дальневосточного типов. Первому типу присуще предпочтение прямой линии, опора на закон исключённого третьего и, как следствие, дуальное мышление. Второму, наоборот, свойственно тяготение к кривой линии и неприятие закона исключённого третьего и потому – плюралистическое мышление [12, с. 452]. Все это ведёт к неприятным недоразумениям, когда, по замечанию Г.Д. Гачева, один человек «слагает мысли в ряд», являющийся доказательным для него, но не для представителя другого народа [5, с. 37].

Помехой является и отмеченное А.П. Садохиним различие соотношений вербальных элементов в стратегиях участников диалога. В низкоконтекстуальных культурах смысл информации формируется лишь из анализа словесных высказываний, а роль контекста несущественна. Это отмечается в культурах западного (т. е. европейского и североамериканского) типа. Для субъектов высококонтекстуальных (всех азиатских) культур для получения смысла одних словесных высказываний недостаточно, и тот контекст, при котором они получены, имеет большое значение [13, с. 141].

Ещё одной помехой, способной препятствовать ведению диалога между субъектами различных культур, является несовпадение стилей ведения диалога, присущих культуре каждого из его участников. По степени открытости участника диалога выделяются прямой и непрямой стили. Прямой стиль ведения диалога характеризуется тем, что исключает условности и недосказанность (индивидуалистские, западные культуры – европейская и североамериканская). Непрямой стиль, напротив, считает их необходимыми в диалоге (коллективистские культуры). В данной связи С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский справедливо отмечают, что каждая культура сообщает своему субъекту определённый «канон смыслообразования», предопределяющий специфику осмысления им полученной информации [7, с. 109–110]. Но послание другому партнёру по диалогу, созданное в соответствии с таким канонem, может не быть полностью или корректно прочитано, если степень открытости диалогу у адресата этого послания иная.

В соответствии со степенью использования экспрессивных средств языка участники диалога следуют искусному или краткому сти-

лю. Искусный стиль предполагает богатую экспрессию (коллективистские культуры арабских народов), краткий стиль в первую очередь стремится к передаче информации (но это по-разному происходит в индивидуалистских культурах (неприятие пауз) и в коллективистских культурах (использование пауз). В зависимости от ориентации диалогического процесса выделяют инструментальный и аффективный стили. Инструментальный стиль нацелен на достижение цели диалога (присущ субъектам индивидуалистских культур). Для аффективного стиля первостепенной значимостью обладает процесс диалога (для субъектов коллективистских культур) [13, с. 146–149].

Итак, в числе помех межкультурному диалогу были названы несовместимость логик, различие соотношений вербальных элементов в стратегиях участников диалога, несовпадение стилей и степень использования экспрессивных средств языка. Чем их больше, тем сложнее вести диалог культур. Они добавляются в качестве отягощений к уже сформулированному нами коэффициенту затруднительности ведения диалога между субъектами одной и той же культуры.

Если попытаться на основе данных факторов выработать формулу «коэффициента» затруднительности участия в диалоге культур, то она должна представлять собой сумму всех помех (как универсального характера, так и присущих лишь межкультурному диалогу) для осуществления этого диалога, поделённую на сумму степени диалогичности субъектов этого диалога и различие информации, допустимое для ведения диалога.

В качестве самого простого примера попробуем вывести «коэффициент» затруднительности диалога культур, проходившего в 1896–1900 годы между Львом Шестовым, российским мыслителем, и творческим наследием немецкого философа Фридриха Ницше, вставшего в безумие в 1889 году. По указанным выше причинам этот диалог является опосредованным (Ф. Ницше не мог сам отвечать Л. Шестову) и межкультурным (Ф. Ницше – немец, Л. Шестов – еврей с существенным влиянием на него культуры России). Показатели формулы этого «коэффициента» соотнесём с такими значениями: отсутствует, слабо, средне, или сильно выражено.

Начнём с того, что различие информации, допустимое для ведения диалога, в данном случае оптимально: Л. Шестов имел полный доступ к трудам Ф. Ницше. Обратимся к анализу универсальных показателей затруднительности (т. е. диалога между субъектами одной и той же культуры) – стереотипов и необъективных атрибуций. Примером влияния сильно выраженного стереотипа представляется восприятие Л. Шестовым ницшевской критики религии. Ведь он – в духе стереотипа, присущего русской общественной мысли, – воспринял Ф. Ницше как религиозного мыслителя и даже ницшевскую проповедь выхода «по ту сторону добра и зла» истолковал как последствие постижения тайного

смысла евангельской истины. На этот опосредованный диалог культур сильно влияла и необъективная атрибуция. Она возникла из-за диссонанса между пленявшими молодого Л. Шестова идеями гуманности и ницшевским призывом «толкать падающих», сопряжённым с симпатией Л. Шестова к личности Ф. Ницше. По этой причине он расценивает присущий философии Ф. Ницше призыв к безжалостности как лицемерие и обман, с помощью которых Ф. Ницше якобы оправдывал свою жизнь и самого себя в своих же глазах. Степень консерватизма Л. Шестова может быть обозначена как сильно выраженная. Столкнувшись с деизмом Вольтера и И. Канта, который не вписывался в привычную для него дуальность «вера в Бога – неверие в Бога», Л. Шестов фактически игнорировал это несоответствие, заявив, что эти мыслители «убили Бога». При этом степень диалогичности Шестова можно охарактеризовать как слабо выраженную. Он пытался вести дискуссию с Ф. Ницше как мыслителем, но постоянно сдавался искушению подменить ход аргументации немецкого философа собственными гипотезами. Расценив мировоззрение Ницше как человеконенавистническое, Шестов и в биографии Ф. Ницше сначала пытался обнаружить жестокие поступки. А затем, после изумившей его неудачи, увлёкся соотношением трансформации философии и биографии Ф. Ницше. Шестов даже позволял себе делить идейное наследие Ф. Ницше на меньшую часть, в которой этот мыслитель искренен, и на большую часть, где он лицемерит. Что же касается помех межкультурного характера, то они – несовместимость логик, различие вербальных элементов, несоответствие стилей и контрасты экспрессивности языка – все отсутствовали. Недаром Л. Шестов не раз восхищался Ф. Ницше как мыслителем и постоянно претендовал на столь же глубокое понимание его скрытых мыслей, как и у русского писателя Ф.М. Достоевского.

Итак, применив «коэффициент» затруднительности диалога культур к случаю опосредованного диалога Л. Шестова с Ф. Ницше, мы получим следующие результаты. Этот межкультурный диалог проходил в очень благоприятных условиях: ни одной из помех, специфичной для коммуникации двух субъектов различных культур, не было. Также стоит отметить высокую заинтересованность Л. Шестова в участии в этом диалоге и отсутствие расхождений между желаемыми им и получаемыми сведениями в ходе данного опосредованного диалога с Ф. Ницше. В то же время можно отметить полный набор сильно выраженных помех участию самого Л. Шестова в данном диалоге – это и консерватизм, и стереотипы, и необъективные атрибуции. Получив подобные показатели коэффициента, уже не удивишься, узнав, что Ницше на протяжении всего творческого пути оставался для Шестова притягательным мыслителем – опосредованным собеседником, но при этом идеи немецкого философа нередко произвольно интерпретируются им, вплоть до существенного искажения.

Таким образом, «коэффициент» затруднительности ведения диалога культур даёт представление обо всей сложности участия в нём. Даже при максимальной изначальной заинтересованности потенциальных участников диалога культур этот интерес очень легко утратить, потому что все факторы, препятствующие продолжению данного диалога, могут быть компенсированы только степенью диалогичности обоих этих субъектов. Вот почему проблема диалога культур, при всей своей актуальности и исследованности, до сих пор не решена. Но нельзя и утверждать, что данная проблема неразрешима вообще.

Список литературы

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 549 с.
2. Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. С. 122–161.
3. Габитов Т.Х. Национальная идея в контексте диалога культур // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 49–57.
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 432 с.
6. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 289–523.
7. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
8. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб: Наука, 2009. 595 с.
9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
10. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитар. центр, 2007. 332 с.
11. Померанц Г.С. Диалог // Культурология: энциклопедия: в 2 т. / глав. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 562–563.
12. Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры: альманах. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 445–455.
13. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2013. 288 с.
14. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.
15. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.

DIALOGUE OF CULTURES AS A PROBLEM

V.V. Bulanov

Tver State Medical Academy, Tver

The essential difficulties related to the realization of the cultural dialogue as an actual problem are studied in the article's format. In this perspective, the author examines all the factors influencing both the dialogue of subjects within one common culture, as well as the dialogue of subjects of different cultures. Thus, the author aspires to reveal the degree of difficulty of conducting the inter-cultural dialogue.

Keywords: *cultural dialogue, subject of dialogue, dialogue obstacle, dialogical communication, mediated dialogue.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with courses of bioethics and Russian History, Tver State Medical Academy, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru